

Петр РЯБОВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ АНАРХИЗМА В XIX - XX ВЕКАХ.

Слово "анархизм", как правило, вызывает у людей старшего поколения примерно одни и те же ассоциации: матросы, непременно пьяные, черный флаг с черепом и костями, загадочная и "нелепая" фраза: "Анархия - мать порядка!". У молодежи свои ассоциации: Егор Летов с анархическим значком на груди и с песней: "Убей в себе государство!" и панки, подражающие своим кумирам и рисующие на заборах букву А в круге. Да, все это в какой-то мере имеет отношение к анархизму, но...

При этом как-то забывается, что анархизм - это, прежде всего влиятельное, отнюдь не карикатурное, направление, существующее уже два века и выдвинувшее целое созвездие ярких теоретиков и практиков, направление, без знания, о котором не поймешь многих событий всемирной и русской истории. Направление, без которого будущее развитие человечества не представляется возможным.

Многие ли знают о том, например, что День международной солидарности трудящихся - Первое мая - отмечается в память о казненных в Чикаго анархистах? Что решающий вклад в разгром войск Деникина и Врангеля внесли повстанческие отряды Махно? Что Лев Толстой, о котором в школе традиционно говорится лишь как о "зеркале русской революции", был горячим противником государственности? Что Сакко и Ванцетти, которых в Советском Союзе любили называть колхозы и улицы, были анархистами? Что автор "Интернационала" парижский коммунары Эжен Потье также был именно анархистом? Что, прежде чем стать большевиками, Дмитрий Фурманов и Григорий Котовский также прошли через участие в анархическом движении?

Понятно, почему в общественном сознании и в годы власти КПСС, и в нынешние времена существует гротескный и туманный образ анархизма и анархии? Никакой власти не может быть симпатичен анархизм, то есть безвластие, а потому все правительства во всех странах всегда не жалеют мрачных красок, пугая населения "пагубной анархией".

К анархизму можно относиться по-разному. И все же многих реалий - и исторических, и современных - не понять, если не попытаться объективно и непредвзято взглянуть на это движение и течение общественной мысли.

Истоки

Элементы анархического мировоззрения, отдельные философские идеи протоанархического характера насчитывают много веков. Стремление к полной свободе личности в свободном обществе, отрицание власти и эксплуатации проходит через различные цивилизации и эпохи. Эту тенденцию, представленную античными софистами и киниками, китайскими даосами, средневековыми европейскими анабаптистами и русскими духоборами, английским диггером Дж. Уинстенли, французским писателем Франсуа Рабле, русским еретиком Ф.Косым, французским мыслителем конца 18 века С.Марешалем и другими, можно охарактеризовать именно как протоанархизм.

Однако анархизм в собственном смысле этого слова, несомненно, порожден реалиями Нового времени. Лишь с конца XVIII столетия, когда Европа вступила в эпоху великих революций, способствовавших утверждению человеческой индивидуальности и крушению основ традиционного общества, постепенно оформляется анархизм - сначала как философское учение, а затем как важная часть революционного, освободительного движения.

Анархизм, на мой взгляд, стал реакцией на достижения и неудачи Великой Французской революции: манящий идеал свободы, равенства и братства обернулся новым буржуазным отчуждением; парламентская демократия не принесла желанного освобождения личности и выражения народных интересов.

Анархизм окончательно сформировался и самоидентифицировался в 1830- 1840-е гг. - в борьбе и полемике с двумя другими влиятельными течениями, также порожденными Французской Революцией - буржуазным либерализмом и государственным социализмом. Если первый подчеркивал значение политической свободы гражданина (впрочем, признавая необходимость сохранения, хотя и предельно минимизированного, государства), то второй поднимал на щит социальное равенство, считая инструментом его осуществления тотальную государственную регламентацию. Девизом же анархизма, боровшегося на оба фронта, можно считать знаменитые слова Михаила Бакунина: "Свобода без социализма есть привилегия и несправедливость... Социализм без свободы есть рабство и скотство"/1/.

В.Годвин и М.Штирнер

Первыми глашатаями анархизма выступили англичанин Вильям Годвин (1756- 1836) и немец Макс

Штирнер (Иоганн Каспар Шмидт; 1806-1856). В книге Годвина "Исследование о политической справедливости и ее влиянии на всеобщую добродетель и счастье" (1793) и в работе Штирнера "Единственный и его собственность" (1844) были резко обозначены контуры анархического мировоззрения. Оба мыслителя сформулировали такие важнейшие постулаты анархизма, как необходимость уничтожения государства, децентрализации общественной жизни и производства, противоположность интересов общества и государства и т.д. Однако взгляды упомянутых теоретиков анархизма совпадали далеко не во всем.

Годвин исходил из тезиса о доброй природе человека, на которую дурно влияют государственные институты, и предложил анархо-коммунистическую программу социальных преобразований. В центре построений Штирнера - уникальная личность, Единственный; эту личность нельзя свести к каким-либо социальным ролям и проявлениям. Немецкий мыслитель призывал человека низвергнуть надличностные (идеологические) фетиши и деспотические учреждения, осознать свои истинные интересы и, соединяясь с другими - тоже единственными - личностями, начать борьбу за свое освобождение.

Годвин, оставаясь приверженцем идей Просвещения, еще верил в великую силу слова, в возможность преобразовать общество путем пропаганды. Штирнер уже не считал возможным надеяться на "добрую волну" правительств и буржуазии. Он признает необходимость рабочих забастовок, экспроприации собственности и создания свободного "союза эгоистов". Однако акцент в книге немецкого мыслителя делается не на проповеди социальной революции, а на призыве к "восстанию личности".

Так сразу обозначились два направления анархической мысли - философски-индивидуалистическое, подчеркивающее уникальность отдельной личности, и социологически-коммунистическое, делающее упор в основном на построении свободного и справедливого общества. При этом воззрения Годвина и Штирнера дополняют друг друга. Возникшие впоследствии многочисленные анархические течения основывались на различных вариантах сочетания и совмещения стремлений к индивидуальной свободе и к социальной справедливости.

И Годвин, и Штирнер были одинокими мыслителями, стоящими отнюдь не в центре общественной жизни. Ни тот, ни другой еще не употребляли применительно к своим взглядам наименования "анархизм".

П.Ж.Прудон

"Отцом анархизма" нередко называют выдающегося французского мыслителя Пьера Жозефа Прудона (1809-1865). Сын крестьянина, самоучка, прошедший жизнь в тяжелом физическом труде и крайней бедности, Прудон был одним из немногих вождей социалистического движения XIX в., которые, говоря о благе народных масс, сами были непосредственно представителями и выразителями интересов трудового народа. С именем Прудона связаны самоидентификация анархизма, разработка его основных социальных идей, распространение анархизма в массах, превращение его в одну из самых влиятельных идейных сил XIX столетия.

Ученый и публицист, издатель газет и депутат Национального собрания, участник революции 1848 г. и отважный критик французских властей, прошедший свои последние годы в эмиграции, Прудон написал множество книг и статей, из которых наиболее известны работы "Что такое собственность?" (1840), "Система экономических противоречий, или Философия нищеты" (1846), "Исповедь революционера" (1849) и "О политической способности рабочих классов" (1865).

В воззрениях Прудона, как и в его жизни, соединилось немало противоречивых черт и, казалось бы, несочетаемых качеств: личная скромность и склонность к мессианству, революционность провозглашавшихся целей и приверженность к реформистским средствам, вольнолюбие в общественной жизни и крайняя патриархальность в семейном быту. Отстаивая индивидуальную свободу, Прудон одновременно писал работу "Порнократия, или Женщины в настоящее время", выступая против женской эмансипации и обосновывая тезис об извечном неравенстве полов. Передовой консерватор, реформистский революционер, оптимистический пессимист - таким предстает этот человек, которого А.И.Герцен называл "действительным главой революционного принципа во Франции" и "одним из величайших мыслителей нашего века".

На протяжении всего своего пути Прудон плыл "против течения", вызывая ненависть и со стороны власть имущих, и со стороны "передовых" буржуазных республиканцев-якобинцев и социалистов-государственников. Вот что заявляет Прудон в предполагаемом диалоге со своим читателем в книге "Что такое собственность?": "... вы демократ? - Нет. - Как, неужто вы монархист? - Нет. - Конституционалист? - Боже сохрани! - Ну, значит, вы аристократ. - Все нет! - Так вы желаете установления смешанного правительства? - Еще раз нет! - Да кто же вы, наконец? - Я анархист! - Я понимаю вас, вы иронизируете по адресу правительства. - Все нет: то, что я сказал, составляет мое серьезное и глубоко продуманное

убеждение; хотя я большой приверженец порядка, тем не менее я в полном смысле слова анархист" /2/.

Этим эпатажирующим заявлением Прудон впервые вводит слова "анархия, анархизм", не как ругательные, бранные выражения, но как самоназвание нового течения мысли. Со словом анархия - безвластие - случилось тоже, что случилось не раз до и после этого, например, со словами "киники" (собаки), "санкюлоты" (люди без штанов), "гезы" (разбойники) - когда слово, изначально бывшее в устах оппонентов обвинением и оскорблением, с достоинством принималось обвиняемыми в качестве самохарактеристики. И Прудон поясняет свою мысль: "власть человека над человеком, какую бы форму она ни принимала, есть угнетение. Высшая степень совершенства общества достигается в соединении порядка с анархией, т.е. в безвластии" /3/.

Большой любитель парадоксов и эпатажа, Прудон высказал и обосновал два афоризма: "Собственность - это кража" и "Анархия - мать порядка!". Показав неразрывную связь власти и эксплуатации, Прудон "восстал против двух крайностей" - крайности "частной собственности" и "коммунизма", выдвинув в противовес им идею трудовой собственности, то есть собственности человека на продукт произведенного им труда. Прудон выступал за общество, в котором "все пользуются плодами своего труда, когда богатства и состояния, возможно, более уравниваются и когда каждый работает" /4/.

Прудон был противником государственного насилия в любых формах: будь то конституционная монархия Луи Филиппа, бонапартистская империя, якобинская республика или революционная диктатура. Проанализировав опыт революции 1848 г., Прудон сделал вывод: революция несовместима с государством, а попытки реализовать утопии приверженцев государственного социализма (Луи Блана, Огюста Бланки и других), рассчитывавших овладеть властью и использовать ее как инструмент преобразований, ведут только к победе реакции и к поражению революции.

Если у Штирнера и Годвина, мало известных широкой публике, анархический идеал носил по преимуществу абстрактно-философский характер, а критика государства явно преобладала над конструктивными идеями, то Прудон развил и популяризировал, применительно к жизненной конкретике, анархическое мировоззрение, во многом воспитав европейское общественное движение и подготовив появление поколения парижских коммунаров.

Задачей социализма в XIX в. Прудон считал достижение реального социального равенства и обеспечение реальной свободы (т.е. преодоление власти государства над человеком). Прудон избегал абстрактных схем, не занимался прожектерством, а стремился изучить и оценить уже существовавшие тенденции. Он говорил: "Я не предлагаю никакой системы; я требую уничтожения привилегий и рабства, я хочу равноправия... Предоставляю другим дисциплинировать мир" /5/.

Государственной власти, иерархии, централизации, бюрократии и государственному праву Прудон противопоставил принципы федерализма, децентрализации, взаимности (мютюэлизма), свободного договора и самоуправления. Характеризуя современное общество, Прудон писал о круговой поруке буржуазии и власти, рынка и монополии: сочетание государственной централизации, чудовищных налогов и крупных монополий - с безудержной конкуренцией, пронизанной "духом несолидарности и корысти". Во имя свободы Прудон нападал на государство, во имя равенства - на собственность.

Прудон показал, что политическая свобода невозможна без экономического обеспечения и без децентрализации управления, ликвидации всемогущей центральной власти: "То, что называют в политике властью, - писал он, - аналогично и равноценно тому, что в политической экономии называют собственностью; эти две идеи равны друг другу и тождественны; нападать на одну - значит нападать на другую; одна непонятна без другой; если вы уничтожите одну, то нужно уничтожить и другую - и обратно" /6/. Исходя из этого, Прудон так формулировал собственное кредо: "Итак, то самое, что на экономическом языке называется нами взаимностью или взаимным обеспечением, в политическом смысле выражается словом федерация. Этими двумя словами определяется вся реформа наша в политике и в общественной экономии" /7/.

Вопреки принятым тогда (да и сейчас) взглядам, Прудон показывает, что не на основании государственной регламентации и централизации, но лишь на основе широчайшей и полной свободы личности, лишь в результате осознания людьми своих интересов и их взаимного согласования возможны истинная анархия, настоящий порядок и реальное единство. Лишь свобода - здоровая и прочная основа единства общества, тогда как государство, декларируя стремление к "порядку" и общественному единству, на деле лишь убивает и жизнь, и общество, и личность, и приводит к внутренним расколам и конфликтам. Наряду с "правительственным предрассудком", Прудон отрицает и веру в партии, ведущие между собой ожесточенную борьбу за власть: "...все партии, без исключения, поскольку они добиваются власти, суть разновидности самодержавия... Долой партии! Долой власть! Полная свобода человеку и гражданину" Таково, в трех словах, вся наша политическая и социальная вера" /8/.

Арсенал средств борьбы, предлагаемых Прудонем, довольно скуден: организация в рамках существующего общества учреждений, основанных на принципе "взаимности" и вытесняющих структуры старого общества, пропаганда анархических идей и гражданское неповиновение власти. Впоследствии анархисты дополняют этот арсенал идеей вооруженного восстания, так и идеей всеобщей захватной стачки.

Продолжая традиции Просвещения, Прудон наивно верил в то, что, открыв миру "вечную Истину и Справедливость", он тотчас уничтожит существующую ложь и несправедливость. Однако вера в прогресс парадоксально сочеталась у Прудона с глубоким пессимизмом в оценках современности. Подобно русским народникам (на которых, кстати сказать, его идеи оказали колоссальное влияние), Прудон принадлежит к тому направлению в социализме, которое не принимало наступающую индустриальную эпоху (с ее структурами, ценностями, моралью), но опиралось на элементы традиционного общества: общину, традиционную мораль - стремясь трансформировать их в либертарно-социалистическом духе. Для этого направления характерен особый акцент на этическом моменте, глубокие и горькие пророчества в отношении грядущего общества-фабрики (с которым, например, марксисты всецело связывали свои оптимистические надежды на переход к социализму), но, вместе с тем, и определенная слепота, консерватизм и наивность. Стремясь избежать таких отрицательных последствий индустриализма, как одностороннее и уродливое развитие работников, стирание личности, казарменный деспотизм фабрики, Прудон в качестве выхода предлагал ассоциацию, кооперацию, сохраняющую свободу при соединении усилий трудящихся.

В центре всего учения Прудона стоит принцип "равновесия" и "идея справедливости" - таков своеобразный мировоззренческий стержень, несущий на себе всю конструкцию его пестрых, разнообразных и часто меняющихся взглядов. Именно вера в Справедливость, будучи основным мотивом прудоновского учения, придает яркий этический характер всем социальным построениям Прудона. Принцип свободы отдельной личности, священный для Прудона, как и для всех анархистов, неразрывно связан для него с солидарностью людей, на которой основываются выдвинутые и развитые им принципы взаимности, федерализма и свободного договора. Мыслитель стремится к равновесию между общественными субъектами, предлагая федерализм в качестве удобной модели согласования всех интересов без подавления кого бы то ни было - личности, общины, города или нации. Порядок через свободу, единство через многообразие, сохранение суверенности всех субъектов при балансе их интересов - такова центральная идея прудоновского социального идеала. Выступая защитником свободы, как общества, так и личности, Прудон отстаивает необходимость уничтожения государственной централизации, фикции "выборов", паразитической касты чиновников и военных, обличает навязанные личности законы, на принятие которых эта личность не давала никакого согласия: "Как согласовать местную инициативу с преобладанием центральной власти? Общую подачу голосов с чиновничьей иерархией? Принцип, что никто не обязан повиноваться закону, если сам не давал согласия на него, с правом большинства?"/9/.

Будучи противником буржуазного общества и неограниченной конкуренции, Прудон не стремился заменить их государственно-социалистической казармой и тотальной регламентацией. Говоря об "основном принципе верховности общего и подчиненности личного элемента" у всех социалистов-государственников (от Платона до Томаса Мора и Луи Блана), Прудон разъясняет: "Эта система коммунистическая, правительственная, диктаториальная, авторитарная, доктринерная, она исходит из того принципа, что личность существенно подчинена обществу; что только от общества зависят жизнь и права отдельного лица; что гражданин принадлежит государству, как дитя - семейству; что он находится вполне в его власти ... и обязан ему подчиняться и повиноваться во всем"/10/.

Основываясь на "принципе равновесия", Прудон отстаивал и права общества, и права личности, отрицая как эгоистические, так и деспотические крайности. Чтобы избежать их, французский анархист рекомендовал разрушить государственную власть и социальную иерархию, заменив их добровольным союзом свободных личностей, общин и местностей.

"Общество должно рассматривать не как иерархию должностей и способностей, а как систему равновесия свободных сил, где всем гарантированы одинаковые права, с условием нести одинаковые обязанности, равные выгоды за равные услуги. Следовательно, эта система существенно основана на равенстве и свободе, она исключает всякое пристрастие к богатству, рангам и классам"/11/.

Государственному закону Прудон противопоставляет свободный договор. Только лица, заинтересованные в каком-либо вопросе, имеют право заключать между собой договор, брать на себя определенные обязанности выполнять их. Различие между государственными законами и свободным договором очевидно: "Что могут представлять собой законы для того, кто хочет быть свободным и чувствует себя способным к этому? ...Я ограждаю себя от всякого принуждения, изданного насчет меня, мнимо нужным начальником... Для того чтобы я был свободным, исполнял только свой собственный

закон и лишь самому себе повелевал, здание общества должно быть построено на идее договора... Если я с одним или несколькими своими согражданами веду переговоры насчет какого-нибудь предмета, то ясно, что для меня моя воля закон; когда я исполняю условленную обязанность, я сам для себя правительство"/12/.

Если общественный договор по Ж.Ж.Руссо означал всеобщий отказ от свободы и суверенности в пользу всемогущего Суверена - Государства, которое становилось единственным субъектом социальной жизни, то у Прудона, напротив, договор расширял свободу граждан и, согласуя их интересы, полностью сохранял их суверенитет, интегрируя социальные силы, сочетая личное и общее, интересы и справедливость, индивидуализм и альтруизм.

Прудон (и вслед за ним, в частности, Герцен, Бакунин и другие русские народники) опирается в своих построениях на общинное самоуправление, противопоставляет союз вольных общин и ассоциаций деспотизму государства. Суверенные субъекты: личности и общины, взаимно заключают договор, согласовывают свои действия, исходя из своих интересов и сохраняя во всей полноте самоуправление и независимость, так что объем полномочий, передаваемых ими через своих делегатов "наверх", незначителен и убывает, а не возрастает, с каждой более высокой ступенью - на смену централизованному государству приходит самоуправляющееся федеративное общество.

Несомненно, Франция буквально выстрадала прудоновские идеи федерализма и свободного договора - ибо на протяжении почти столетия: от Руссо и Робеспьера до Парижской Коммуны, борьба государственного централизма против местного самоуправления была одним из важнейших факторов революционного процесса. Бюрократия - республиканская, императорская, королевская - тяжелым бременем давила местные вольности, диктовала из центра свою непререкаемую волю и навязывала свою власть бунтующим провинциям.

До Прудона революционное движение во Франции было пронизано духом централизма, подобно тому, как социалистическое движение было пронизано духом государственничества, а после Прудона возникло новое - анархически-федералистское революционное и социалистическое движение: на смену революционному деспотизму Робеспьера и Бабефа пришел революционный анархизм парижских коммунаров. И если во времена Великой Французской Революции якобинские комиссары огнем и мечом навязывали провинциям "благодетельные" декреты Конвента, то в 1871 году Парижская Коммуна, воодушевленная идеями Прудона (трудовая индивидуальная и коллективная собственность, ликвидация постоянной армии и чиновничества, коммунальное самоуправление и федерализм), а не государственническим "революционным" централизмом якобинцев, бланкистов и луйблановцев, провозгласила децентрализацию страны и автономию коммун: революционный Париж добровольно отказывался от своих былых "столичных" централистских притязаний.

Итак, прудоновская идея взаимности сочетает свободу с порядком, сотрудничество личностей с их индивидуальностью, провозглашает справедливость без унификации, прорывает эгоистическую замкнутость личности, но не с тем, чтобы раздавить ее жертвами всеобщего, должного, безличного, а с тем, чтобы из союза личностей создать многообразное, свободное и гармоничное общество, основанное не на насилии, а на солидарности людей. Такова в общих чертах, предлагаемая Прудонем анархическая альтернатива государственному деспотизму и буржуазному неравенству.

Благодаря Прудону анархизм распространился по всей Европе, найдя целый ряд выдающихся приверженцев (Карло Писаканэ в Италии, Пи-и-Маргаль в Испании и другие). Историк анархизма Макс Неттлау пишет о Прудоне: "К несчастью, он умирал как раз в то время, когда возник Интернационал. Но в то же самое время огромная фигура Бакунина уже появилась, и на каких-нибудь 10 лет анархизм получил мощный толчок от этой замечательной личности"/13/.

Бакунин

Михаил Александрович Бакунин (1814-1876), несомненно, является ключевой фигурой в истории анархической мысли и анархического движения, крупнейшим выразителем анархического мирозерцания в теории и на практике. Именно Бакунин, будучи одаренным философом, заложил основы анархизма как цельного мировоззрения (а не только как программы действий или социологического учения). Бакунин инициировал появление мощного революционного движения под анархическими лозунгами почти по всей Европе. Наконец, Бакунин, как никто до и после него, сумел выразить основной мотив анархизма - пафос бунта, бескомпромиссной борьбы за освобождение личности и общества.

Александр Блок писал: "Мы читаем Бакунина и слушаем свист огня... Мы уже, наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня... Зайдем огня у Бакунина". Главное душевное качество Мишеля (так Бакунина называли и подростком - в кругу семьи - и стариком - в кругу

швейцарских рабочих) - это, по собственному признанию выдающегося анархиста, "любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притеснению, еще более, когда оно падало на других, чем на меня самого... Я считаю священным долгом восставать против всякого притеснения, откуда бы оно ни приходило, и на кого бы ни падало. Во мне было всегда много донкихотства: не только политического, но и в частной жизни"/15/.

Жизнь Бакунина похожа на легенду. В числе его друзей были Н.В.Станкевич, И.С.Тургенев, А.И.Герцен, В.Г.Белинский, П.Я.Чаадаев, Г.Гервег, Р.Вагнер, Ж.Санд, А.Мицкевич, П.Ж.Прудон, А.Руге, В.Вейтлинг. Бакунин вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида, Бакунин был прототипом Рудина у Тургенева и Ставрогина у Достоевского.

В юности - увлечение философией, дискуссии в московских салонах и в родном доме в селе Прямухине. Затем - переход к практической революционной деятельности: участие в революции 1848 г. в Париже (в феврале), призывы к общеславянскому восстанию, баррикады в Праге и Дрездене, арест, смертные приговоры в Саксонии и Австрии, двенадцать лет крепостей и ссылки в Саксонии, Австрии и России (в том числе, в казематах Петропавловки и Шлиссельбурга, где в результате "человеколюбивого обращения", Бакунин лишился зубов и заболел цингой), фантастический побег из Сибири, работа в "Колоколе" Герцена, борьба в Интернационале против авторитаризма Маркса...

Революционная деятельность Бакунина не знала границ и была поистине грандиозна по своим масштабам. Он помогал полякам во время восстания 1863- 1864 гг., выступал в Швеции, направил эмиссара-анархиста Дж.Фанелли в Испанию организовать секцию Интернационала, поднимал соратников на восстание в Лионе, вел успешную полемику против Мадзини в Италии (где стал создателем анархического движения и инициатором восстания в Болонье), организовывал Юрскую (анархическую) федерацию Интернационала в Швейцарии, сражался в Париже, Праге, Дрездене, вел революционную агитацию среди болгар и сербов, финнов и чехов, сотрудничал с "Землей и Волей" 1860-х гг., участвовал (к несчастью для себя) в нечаевской пропаганде, был вдохновителем бакунинских кружков на Юге России. Перечисление созданных им организаций, написанных программ и уставов заняло бы несколько страниц. В конце жизни, исполненной тяжелейших материальных лишений, клеветы со стороны врагов, после травли, организованной против него Генеральным Советом Интернационала, после поражения ряда восстаний, гибели Парижской Коммуны и победы Бисмарка во франко-прусской войне (эта победа, как пророчески предвидел Бакунин, наряду с оппортунизацией части рабочего движения, предвещала длительное и повсеместное торжество реакции, бюрократии и милитаризма в Европе) - М.А.Бакунин не был морально сломлен, хотя пессимистические настроения в его мировоззрении усилились.

Конечно, Бакунин не был "рыцарем без страха и упрека", непогрешимым во всех своих поступках. В своей поистине фантастической деятельности он допускал немало ошибок, которые могут быть поставлены ему в вину. Большинство из них, впрочем, связаны с его способностью чрезмерно увлекаться и увлекать других открывающимися перспективами, порой идеализируя эти перспективы и, по выражению Герцена, "путая второй месяц беременности с девятым". Бакунин нередко принимал желаемое за действительное, преувеличивал степень готовности масс к революции, допускал неразборчивые поступки - блефы и мистификации, явно увлекался конспиративно-заговорщической стороной революционной работы. Бакунин, безусловно, несет моральную ответственность за отдельные националистические (антинемецкие и антиеврейские) выпады, встречающиеся в его работах, и за деятельность С.Г.Нечаева.

Но - не ошибается только тот, кто ничего не делает, а Бакунин в своей жизни сумел сделать бесконечно много. П.А.Кропоткин, общавшийся со швейцарскими рабочими-анархистами, знавшими Бакунина, особо отмечает: "Поразило меня больше всего то, что нравственное влияние Бакунина чувствовалось даже сильнее, чем влияние его как умственного авторитета"/16/.

Будучи крупнейшим знатоком философии Гегеля, Бакунин предпочел жизнь и борьбу философским абстракциям, сумел воплотить в жизнь то, что проповедовал на словах. Личность Бакунина представляла собой сплав огромной энергии, воли к жизни и борьбе, пророческого, проповеднического, ораторского и философского дара, способности зажигать людей и вести их за собой, личного обаяния, организаторских талантов, самоотверженности, искренности и бескорыстия.

Говоря о Бакунине-теоретике, назовем его главные работы: "Реакция в Германии", "Философские рассуждения о божественном призвании, о действительном мире и человеке", "Федерализм, социализм и антитеологизм", "Государственность и анархия", "Бог и государство", "Кнуто-германская империя и Социальная Революция". Следуя своему знаменитому принципу: "Дух разрушающий есть дух созидующий, страсть к разрушению есть творческая страсть!", М.А.Бакунин в своих работах не стремился к систематичности и законченности, всегда был весьма полемичен и, отталкиваясь от суждений своих оппонентов, формулировал собственную позицию.

Вообще, Бакунин отдавал жизни примат перед наукой, полагая, что мысль, наука никогда не способна охватить и постичь жизнь во всей ее полноте, все предвидеть и управлять человеческими действиями. Отсюда, кстати, вытекали и горячие возражения великого бунтаря против идеи позитивистов и марксистов об управлении обществом учеными, которые, по мнению Бакунина, неизбежно будут распинать живых людей на прокрустовом ложе своих доктрин и теорий.

Не имея возможности детально излагать здесь бакунинские идеи, отметим лишь, что их краткой формулой можно считать название одной из программных речей анархиста: "Федерализм, социализм и антитеологизм". Богу и религии он противопоставлял "антитеологизм", новую "религию Человека" и просвещение народа, принудительной государственной централизации - федерализм и самоуправление, а капиталистической эксплуатации - социализм и коллективную собственность трудящихся ("Коллективизм" - таково одно из самоназваний бакунизма).

Бакунин был воинствующим богоборцем, считавшим Бога персонифицированным тираном, а религию - обоснованием земного деспотизма и вечного человеческого несовершенства и конформизма.

Много ярких и страстных страниц посвятил Бакунин всесторонней критике государства и его разрушительного влияния на людей - как управляемых, так и управляющих. "Государство - это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности, - писал русский анархист. - Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных"/17/. Бакунин считал, что произвол, чинимый над человеком и обществом, государство напыщенно именует "законом".

Государство, по Бакунину, является не чем иным, как "официальной и правильно установленной опекой меньшинства компетентных людей ... чтобы надзирать за поведением и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребенка - народа"/18/.

Поскольку всякая власть стремится себя увековечить, "ребенок" никогда не достигнет совершеннолетия, пока над ним господствует упомянутая опека. "Итак, там, где начинается государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот. Мне возразят, что государство, представитель общественного блага, или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему все остальное. Но остальное - это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, - это сама сущность моей свободы, это все"/19/. "Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках, и губит того, кто ей подчинен"/20/.

Осуждая патриотизм как государственно-националистическую идеологию рабства и ненависти, Бакунин подвергает подробной критике и представительную демократию, опирающуюся, по его мнению, на манипулирование управляемыми массами. Проблемы государства и социальной революции Бакунин анализирует в связи с национальными особенностями различных европейских народов, с их историей и культурой. Если бисмарковская Германия представляется Бакунину воплощением духа государственничества, централизма, милитаризма и бюрократии, то романские и славянские народы мыслитель рассматривает как среду, стихийно порождающую анархистов, чьи народные идеалы пронизаны стремлением к свободе и самоуправлению. Надо признать, что именно в славянских странах и в Южной Европе анархическое движение получило наибольший размах в 1860-1870-е гг. и позднее.

В своих произведениях Бакунин дает блестящую, последовательную критику государственного социализма (прежде всего марксистского), которая оказалась во многом пророческой. Не веря во временный характер предлагавшейся Марксом "диктатуры пролетариата" (поскольку всякая диктатура стремится себя увековечить), отрицая марксистскую идею правления "научных социалистов" и возможность введения социализма через тотальное огосударствление общественной жизни и производства, Бакунин показывал: поскольку эксплуатация и власть неразрывно связаны друг с другом, уничтожение первой при сохранении второй неизбежно приведет к появлению нового класса - "красной бюрократии", идущей на смену старым эксплуататорским классам.

Бакунин призывал к Социальной Революции, разрушающей классово-государственные институты современного общества и заменяющей их безгосударственно-социалистической федерацией общин, коммун, трудовых коллективов. Главной силой, способной совершить революцию, Бакунин считал в Европе пролетариат ("чернорабочий люд"), а в России - крестьянство.

Таким образом, Бакунин радикализировал прудоновский анархизм, развил его и популяризировал в рабочем движении. Итогом деятельности Бакунина явилось широкое распространение анархизма - прежде всего в Испании, Италии, Швейцарии, России, Бельгии, Голландии, во Франции и в некоторых других странах. Наиболее заметным проявлением этого процесса явилось возникновение анархистского крыла в Международном товариществе рабочих (Первом Интернационале) и Парижская Коммуна, в

которой анархисты сыграли одну из главных ролей.

Анархисты в Первом Интернационале и в Парижской Коммуне

Воздействие Бакунина как личности, как мыслителя и как пропагандиста было огромно. Большинство секций Интернационала поддерживало его идеи. Это привело к неизбежному столкновению с К.Марксом. Об этом столкновении П.А.Кропоткин писал так: "Разлад между марксистами и бакунистами отнюдь не был делом личного самолюбия. Он представлял собою неизбежное столкновение между принципами федерализма и централизации, между свободной коммуной и отеческим управлением государством, между свободным и творческим действием народных масс и законодательным улучшением существующих условий, созданных капиталистическим строем"/21/.

Промарксистский Генеральный совет Интернационала вел борьбу с Бакуниным довольно постыдными методами; в ход было пущено все: закулисные аппаратные интриги, организация фиктивных секций, создавших мнимое марксистское большинство на Лондонской конференции 1871 г. и на Гаагском конгрессе 1872 г., бездоказательные обвинения, клевета и т.п. Однако даже достигнутая подобными средствами "победа" Маркса оказалась Пирровой - после "исключения" Бакунина из Интернационала "весь Интернационал восстал против недостойной комедии Гаагского съезда, так грубо подтасованного Главным Советом"/22/. Почти все секции Интернационала: бельгийские, французские, английские, испанские, итальянские, голландские, швейцарские и американские - отвергли решения, принятые в Гааге, и отказались подчиниться Генеральному совету, поддержавшему Маркса. Большинство этих секций, соединившись, образовали новый, анархический Интернационал, просуществовавший до 1879 г. Попытка Маркса превратить Международное товарищество рабочих в централизованную партию, исповедующую одну - "научно-социалистическую" - доктрину, полностью провалилась.

Поддержавшие Бакунина в его антиавторитарных и федералистских тенденциях секции Интернационала, объединявшие десятки тысяч рабочих по всей Европе, дали толчок мощному развитию анархического движения в 1870-е гг. В некоторых странах, где был высок уровень социальной напряженности и отсутствовали реальные гражданские свободы (в Испании, в Италии), это движение вылилось в ряд восстаний; в других (в Швейцарии, в Бельгии) сложились мощные открыто действующие рабочие союзы анархической направленности. Роль идейного центра этого движения играла Юрская федерация (в Швейцарии).

Наиболее грандиозным выступлением народных масс, в котором анархисты сыграли видную роль, конечно, стала Парижская коммуна (март-май 1871 г.).

Анархисты (прудонисты) составляли значительную часть Совета Коммуны, и именно на их плечи легла вся позитивная, собственно социалистическая деятельность. Важнейшим мероприятием Коммуны в социально-экономической сфере, осуществленным по инициативе прудонистов, был принятый 16 апреля 1871 г. декрет о передаче бездействующих предприятий, брошенных бежавшими из Парижа предпринимателями, в руки рабочих производственных ассоциаций. Этой и другими подобными мерами прудонисты стремились подготовить создание мощного сектора коллективизированных самоуправляющихся предприятий, альтернативных и частнокапиталистическим, и государственным. Декларация "К французскому народу", принятая Парижской коммуной 19 апреля, провозглашала вполне анархические идеи: федерализм, децентрализацию, самоуправление и автономию коммун - в качестве принципов устройства будущей социалистической Франции.

Сама Коммуна, по признанию Карла Маркса, уже не была "вполне государством": ликвидация чиновничьей иерархии, регулярной армии, самоуправление снизу доверху, опирающееся на принцип делегирования, - все это куда больше походило на прудоновские и бакунинские модели общества, нежели на марксистскую "диктатуру пролетариата". Известно, что, учтя опыт Коммуны, Маркс, по образному выражению Ф.Меринга, снял перед ней шляпу и в работе "Гражданская война во Франции" во многом пересмотрел свою доктрину в прудоновском духе.

Однако полуанархический социально-революционный эксперимент, как известно, длился недолго - 72 дня. Коммуна была потоплена в крови версальцами, ее защитники расстреляны и сосланы. Памятником "штурмующим небо" коммунарам осталась песня - "Интернационал", созданная участником тогдашних событий, анархистом Эженом Потье.

Европа вступила в длительную полосу бюрократически-милитаристской реакции, доминирования прусского милитаризма, преследования революционеров-анархистов и перехода значительной части рабочего движения под знамена социал-демократии, предлагавшей партийно-парламентскую политическую борьбу за власть в качестве панацеи.

Анархическое движение рубежа веков

После бурного подъема в конце 1860-х - начале 1870-х гг. анархическое движение вступило в полосу идейного и организационного кризиса, вызванного и провалом ряда восстаний, и жестокими правительственными репрессиями, и уходом части рабочих в социал-демократические партии.

Впрочем, в эти годы анархо-движение продолжало расти вширь: выходило множество анархических изданий, брошюр и листовок.

Многие эмигранты из Старого Света активно пропагандировали анархические идеи на обоих американских континентах. В США анархизм распространялся в самых различных формах. Там были приверженцы штирнеровского анархо-индивидуализма, и прудонисты, создававшие кооперативные ассоциации (крупнейший последователь Прудона в Америке, активно пропагандировавший и развивавший его взгляды, - Бенджамин Таккер). Яркой фигурой американского анархизма и феминизма стала Эмма Гольдман.

Широкую известность получили своеобразные анархические идеи Генри Дэвида Торо (1817-1862), которому спустя век - уже в 1960-е гг. - было суждено стать кумиром движения хиппи. Торо одним из первых выдвинул идею гражданского неповиновения, призывая отказываться от сотрудничества с государством, от уплаты налогов и воинской службы (за акцию гражданского неповиновения он попал в тюрьму). Американский мыслитель выступал за отказ от бездушной мещанской цивилизации и за слияние с природой. Анархистом был и один из великих американских поэтов Уолт Уитмен.

Большую роль играли анархисты и в американском рабочем движении, активно пропагандируя идею восьмичасового рабочего дня. Одним из драматических эпизодов этой борьбы стала казнь по сфабрикованному обвинению пяти чикагских анархистов в 1887 г.; в память о них 1 мая в некоторых странах отмечается как Международный день солидарности трудящихся и борьбы за их права.

В России на смену прудонистам 1860-х гг. (Соколову, Зайцеву, Ножину и другим) пришли бакунисты 1870-х. Анархическим, федералистским, антиэтатистским по духу было почти всё движение революционного народничества того времени: чайковцы (одним из идеологов которых был Кропоткин), участники процесса пятидесяти (на котором Софья Бардина в известной речи на суде прямо назвала себя анархисткой), члены "Земли и Воли", в программе которой были провозглашены анархические цели. Но в последние десятилетия XIX в. в истории русского анархизма наблюдается разрыв преемственности; лишь в начале XX столетия анархическое движение в России вновь приобретает значительное число приверженцев.

Своеобразным - "мирным" и полурелигиозным - вариантом анархизма в России было толстовство. Лев Толстой никогда прямо не называл себя анархистом, однако категорическое отрицание государства, патриотизма, армии и смертной казни (как прерогативы власти) самим Толстым, а также организация его сторонниками значительного числа изданий и коммун, члены которых проповедовали принципы самоуправления, отказ от соучастия в государственной жизни (уплаты налогов, службы в армии и т.д.) - всё это вносило свой вклад в развитие анархизма в России. Толстовские коммуны просуществовали в России до 1930-х гг. и были окончательно разгромлены большевиками. Толстой и Кропоткин оказали существенную поддержку религиозной секте духоборов, исповедовавших антигосударственные принципы и подвергавшихся преследованиям. При активном участии Кропоткина и Толстого духоборы, жившие на Кавказе, переселились в пустынные районы Канады, где за короткое время своим трудом создали процветающие общины (этот "анархический" духоборский район существует в Канаде и по сей день).

В Западной Европе на смену Прудону и Бакунину пришла целая плеяда талантливых анархических писателей - теоретиков и пропагандистов. Среди них швейцарец Джеймс Гильом, бельгиец Цезарь де Пап, французы Элизе Реклю, Жан Грав и Луиза Мишель, итальянец Эррико Малатеста, немцы Макс Неттлау и Йоганн Мост и многие другие. Не ограничиваясь пропагандой, участием в рабочем движении и организацией кооперативов, профсоюзов и коммун, хотя и отрицая парламентскую борьбу, анархисты Европы и Америки зачастую инициировали антимилитаристские, феминистские, просветительские инициативы - которые способствовали освобождению личности и самоорганизации общества.

Конец XIX-го века ознаменовался триумфальным шествием нищезанятости, ставшего популярным среди европейских интеллектуалов и художников, и это, в свою очередь, привело к ренессансу в богемной среде анархо-индивидуализма Штирнера, которого многие называли предтечей Ницше и трактовали порой весьма вульгаризировано.

Правительственные репрессии против революционеров привели к тому, что ряд анархистских групп Европы и Америки перешли к террористической деятельности против представителей власти. Эта деятельность получила широкую известность из всего того, чем занимались анархисты - т.к. террор всегда привлекает больше внимание в обществе, чем более мирные и конструктивные формы

деятельности, так и потому, что власть имущим было выгодно представить все анархическое движение как сплошь террористическое, для того чтобы запугать им публику и развязать себе руки для любых действий. (На самом деле, такая картина не соответствовала действительности - лишь меньшая часть анархистов встала на путь террора).

Волна анархо-террора конца XIX-го - начала XX-го веков получила название "равашолевщины" - в честь знаменитого французского террориста Равашоля. Жертвами анархистов стали итальянский король и австрийская императрица, президент США и многие другие коронованные и некоронованные особы. В некоторых случаях теракты носили характер возмездия за совершенные монархами злодеяния и проводились по инициативе анархических групп, но чаще они были слабо мотивированными актами отчаяния со стороны одиночек, не только не имевших отношения к анархо-организациям, но и слабо представлявших себе смысл идей анархизма.

В таком состоянии идейной и организационной пестроты и разброда вступили анархисты в XX-ый век. Впрочем, централизация, монолитность рядов и единомыслие никогда не были целью анархистов, всегда отстаивавших права меньшинства и ценивших в людях независимость и своеобразие. Тем не менее, в преддверии прекращения полосы общеевропейской реакции 1870-90-ых годов и наступления нового этапа грандиозных революционных конфликтов, явственно ощущалась потребность в развитии, углублении и систематизации анархических идей. Такая попытка была предпринята Петром Алексеевичем Кропоткиным.

П.А.Кропоткин

Петр Алексеевич Кропоткин (1842-1921) даже в свою эпоху, щедрую на выдающихся людей, был личностью исключительной по своим нравственным и интеллектуальным качествам.

Кропоткин происходил из высшей русской аристократии, но выбрал не блестящую придворную карьеру, а сначала занятия естественными науками, и затем - революционную деятельность. Совершив поездку за границу, Кропоткин, под влиянием Парижской Коммуны и общения с бакунистами из Юрской федерации, осознает себя анархистом. В 1872-74 гг. он активно участвует в революционной пропаганде кружка "чайковцев": ведет агитацию среди рабочих, создает литературные произведения для народа, популяризирующие социалистические идеи, пишет программу кружка. В 1874 году следует арест и заключение в каземате Петропавловской крепости. После дерзкого побега из военного госпиталя, Кропоткин на 40 лет оказывается в эмиграции, где становится признанным вождем и теоретиком международного анархизма, авторитетным ученым мирового масштаба.

В эти годы Кропоткин неоднократно высылался властями из страны в страну, подвергался арестам, провел три года во французской тюрьме; на него готовила покушение русская монархическая организация "Священная дружина" (ошибочно видевшая в Кропоткине организатора казни Александра II). Однако Кропоткин продолжал свою научную, общественную и публицистическую деятельность: выступал с лекциями и речами, писал статьи и обзоры для научных изданий, издавал анархистские газеты ("Револьте" в Женеве, "Револьт" и "Тан Нуво" в Париже, "Хлеб и воля" в Лондоне и другие). С ним общались, переписывались, к его голосу прислушивались крупнейшие деятели культуры и общественные деятели во всем мире.

С началом Первой Мировой войны Кропоткин выступает в поддержку Франции, Англии и России против германского империализма (он считал Францию центром мирового революционного движения, а Германию - напротив, оплотом реакции и милитаризма). Эта позиция не была поддержана большинством анархистов мира (выступивших против войны), и Кропоткин оказался в изоляции от анархического движения. Вернувшись в Россию в июне 1917 года, престарелый князь оказывается в гуще событий: выступает за борьбу против немецкого вторжения и против угрозы гражданской войны. На предложение А.Ф. Керенского занять любой министерский пост во Временном правительстве, Кропоткин отвечает: "Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным делом"/23/.

Октябрьский переворот Кропоткин встречает неоднозначно, видя в нем как начало социально-экономических преобразований, так и узурпацию, перерождение и гибель революции. В эти годы он, помимо теоретической работы, участвует в пропаганде идей федерализма, содействует развитию кооперативного движения.

Опираясь на свой огромный авторитет, Петр Алексеевич вызволяет немало людей из застенков ЧК, протестует против порабощения Советов парткомами, против разгрома новой властью кооперативного движения, против всевластия политической полиции и эскалации "красного террора", против ликвидации свободной печати и уничтожения негосударственных издательств. Похороны "дедушки русской революции" (как его часто называли) в феврале 1921 года в Москве собрали многие десятки тысяч человек. В честь Кропоткина названы острова и горные хребты, вулканы и поселки, город в

Краснодарском крае.

Современники на редкость единодушно отзывались о великом анархисте, как о необычайно светлой, цельной и гармоничной личности. Бернард Шоу назвал Кропоткина "одним из святых столетия", а Оскар Уайльд считал его жизнь "совершенной жизнью"/24/. Принципиальность, кристальная честность и ригоризм Кропоткин сочетал с широтой взглядов и терпимостью, позволявшей ему находить взаимопонимание и с сектантами-духоборами, и с британскими профессорами, и с рабочими-анархистами.

Петр Алексеевич Кропоткин - не только выдающийся революционер, первоклассный писатель, гуманист и талантливый публицист; он также является ученым-энциклопедистом. Им написаны специальные исследования по проблемам географии и геологии, биологии, социологии, политической экономии, педагогике, истории, этике и даже литературоведению. Назовем главные его сочинения (помимо специальных работ по естественным наукам): мемуары "Записки революционера", "речи бунтовщика", "Хлеб и воля", "поля, фабрики и мастерские", "Взаимная помощь среди животных и людей", "Современная наука и анархия", "Этика". Всего Кропоткиным написано свыше двух тысяч работ, причем отдельные лаконичные статьи, сочетавшие яркость и популярность с научностью, постепенно накапливались, систематизировались и составляли брошюры и книги.

В своем учении Кропоткин опирается, прежде всего, на традиции Просвещения и позитивизма. Мировоззрение Кропоткина в своих принципиальнейших моментах довольно существенно отличается от бакунинского: Бакунин был в большей степени практиком, Кропоткин же, напротив, - мыслит в целом созидательно-конструктивно; Бакунин подчеркивал классовые противоречия в обществе, Кропоткин - общечеловеческие (и даже общеживотное) начало. На смену бакунинскому "коллективизму" Кропоткин предлагает свой "коммунизм"; для Бакунина человек является преодолением и отрицанием мира природы, для Кропоткина - его органической частью... По верному замечанию Н.А.Бердяева, анархизм Кропоткина, по сравнению с бакунинским, - "более идиллический, он обосновывается натуралистически и предполагает очень оптимистический взгляд на природу и на человека"/25/.

Кропоткин предпринял грандиозную и единственную в своем роде по масштабам и основательности попытку обосновать анархизм как развернутое мировоззрение, основанное на научно-позитивистском фундаменте, как универсальную теорию: от естественных наук до социологии и этики. Кропоткин попытался создать цельное позитивное и конструктивное анархическое учение, так сказать, "научный анархизм". Итак: изложить анархизм в виде цельного мировоззрения, серьезной науки и практической программы, вывести анархическое мировоззрение из Жизни Природы и Народа, из анализа современности, обнаружить анархические тенденции в народных движениях различных эпох и ростки анархии и коммунизма в современном мире, подвести под анархизм естественнонаучную базу, включив его в современную научную картину мира, разработать законченную систему анархизма и изложить его позитивную программу, указать на принципы анархической этики и обосновать неразрывное тождество анархии и коммунизма (ибо, по Кропоткину, анархия без коммунизма - произвол эгоистических индивидов, а коммунизм без анархии - чудовищный деспотизм) - такова была грандиозная задача, которую на протяжении почти полувека решал в своих сочинениях и выступлениях великий русский анархист.

Кратко рассмотрим некоторые важнейшие моменты кропоткинского анархического учения. Важным философским и естественнонаучным положением Кропоткина, призванным обосновать его мировоззрение, был биосоциологический закон взаимопомощи как важнейшего фактора эволюции. На основании огромного материала, позаимствованного из животного мира и человеческого общества, Кропоткин стремился доказать, что дарвиновское положение о "борьбе за существование" следует понимать как борьбу между видами и взаимопомощь внутри видов. Взаимная помощь и солидарность, по мнению Кропоткина, являются главным фактором прогресса, средством к выживанию видов и инстинктивной основой человеческой нравственности.

По мнению Кропоткина, тот вид, который способен организовать свою жизнь на максимально солидарных началах, более приспособлен для выживания и развития, а ход эволюции прямо пропорционален уровню организованности данного вида на принципах взаимной помощи, причем этот закон распространяется мыслителем на все этапы развития животного мира и истории человечества. С точки зрения Кропоткина, и природе, и человеку присуща врожденная нравственность, а все ее искажения связаны в обществе с дурным влиянием авторитарных социальных институтов, прежде всего, - государства. Поэтому в своей последней работе - "Этике" - Кропоткин стремился разработать учение о свободной морали, независимой от санкций и принуждения.

Для мировоззрения Кропоткина характерна глубокая вера в благодетельность Природы и Народа во всех

их проявлениях, в неизбежность Прогресса, несмотря на все помехи, вызываемые государством. Свое понимание истории Кропоткин выражает в следующих словах: "через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная, императорская и федералистская, традиция власти и традиция свободы. И теперь, накануне великой социальной революции, эти две традиции опять стоят лицом к лицу"/26/.

Кропоткин предвещает переход от буржуазно-бюрократического индустриального общества к вольному анархическому коммунизму. Народные массы, склонные к взаимной помощи, творят "горизонтальные" связи и соответствующие учреждения, основанные на координации и согласовании интересов: род, обычное право, средневековый город, гильдия, а государство, возникающее демоническим образом, душит, разрушает и уничтожает эти учреждения, приводит к их окостенению, централизации и иерархизации. Отметив две указанные тенденции, Кропоткин констатирует: "Очевидно, что анархизм представляет собой первое из этих двух течений - то есть творческую созидательную силу самого народа, выработавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защищаться от желающего господствовать над ним меньшинства"/27/. Таким образом, в учении Кропоткина анархизм предстает не просто как тенденция в истории мысли, не просто, как часть современной картины мира, но, фактически, как тенденция самой природной и общественной жизни - к самоорганизации и гармонии на началах свободы и неиерархической координации. По замечанию историка Макса Неттлау, Кропоткин преследует "определенную цель: связать анархизм, если не отождествить его, с реальной жизнью, с главным и наиболее широким течением жизни и прогресса, чтобы таким образом установить неизбежность анархизма"/28/.

Кропоткин приводит многочисленные и разнообразные "доказательства того, что новый порядок уже сейчас создается путем растущей сети добровольных организаций, отодвигающих государство на задний план"/29/.

Социальная революция, с точки зрения Кропоткина, является лишь органичной частью эволюции. Революция - это стихия, которую подготавливают тысячи людей, и которой невозможно управлять и руководить, когда она началась. По Кропоткину, массами в революции движет не столько отчаянье, сколько надежда; революция есть, прежде всего, созидание, переворот во всех сферах жизни, интенсивное строительство нового (в отличие от Бакунина, Кропоткину-теоретику присущ исторический оптимизм и явный акцент на созидание, а не на разрушение). Поэтому-то так важно еще до начала революции распространить новые идеи, сформировать революционное сознание и революционного субъекта, которым, по Кропоткину, не может быть какая-то одна партия или класс, но лишь весь трудовой народ в целом. Всем предыдущим революциям фатально не хватало именно смелости мысли: все они ориентировались на прошлое, а не созидали будущее - поэтому, в то время как народ разрушал старое, буржуазия создавала новое и, разумеется, делала это в своих интересах.

Революция, по Кропоткину, - самоорганизация населения, вооружение народа, разрушение государства, экспроприация собственности, развитие местного и производственного самоуправления. А все это невозможно без местной инициативы, которая исключает оглядку "наверх", передачу монополии на принятие решений "центру". Индивидуальная инициатива - душа революции. Необходимо перерастание политической революции в отдельной стране в мировую и социальную революцию, необходимо, наконец, немедленно дать трудящимся жилье, продукты, одежду, чтобы они сразу ощутили смысл и значение наступившей революции для себя лично. Откладывание социальных мероприятий на будущее неизбежно приводит к перерождению революции. При этом Кропоткин негативно относится как к идее "революционного правительства", "революционной диктатуры", так и к связанному с ними систематическому псевдореволюционному террору, предлагающему работникам казни вместо хлеба: "Будучи оружием правителей, террор служит, прежде всего, главам правящего класса; он подготавливает почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти... Робеспьер привел к наполеону"/30/.

Эти свои теоретические положения Кропоткин подтвердил, наблюдая трагический опыт Великой Российской Революции, узурпированной и задушенной большевистской диктатурой.

Излагая свою анархо-коммунистическую программу (к которой он пришел приблизительно к 1880-му году), Кропоткин на передний план ставил не государство, а личность и федеративный союз общин, объявил целью производства не прибыль, а удовлетворение потребности человека, противопоставил идеям концентрации производства и разделения труда - задачи децентрализации производства и интеграции труда. Все эти нововведения Кропоткин обосновывал тенденциями современной социальной жизни. Свой коммунистический принцип распределения по потребностям Кропоткин обосновывал общественным характером современного производства (и вытекающей из него невозможностью определить и измерить личный вклад каждого работника в тот или иной продукт) и растущим, благодаря успехам науки и техники, изобилием производимых продуктов. Кропоткин находит ростки коммунизма

и анархии уже в современном ему обществе: множество союзов и ассоциаций, основанных (хотя бы отчасти) на негосударственных и небуржуазных принципах. Это научные общества, библиотеки, кооперативные и муниципальные учреждения, страховые союзы, артели, коммунальные службы, благодаря которым "за известную плату по столько-то в год, вы имеете право удовлетворять такой-то разряд ваших потребностей - за исключением, понятно, роскоши в этих потребностях"/31/.

Говоря о будущем анархо-коммунистическом обществе, Кропоткин так определяет основные приоритеты в экономической сфере: абсолютный примат потребления над производством, интеграция физического и умственного труда (и соответствующее "интегральное образование"), "довольство для всех" (распределение по потребностям), совместная обработка земли городскими и сельскими жителями, обобществление и плановость производства, прямой обмен между городом и деревней, децентрализация и разукрупнение промышленности, преодоление уродливого деления народов на "промышленные" и "аграрные" при максимальном самообеспечении областей. По мнению Кропоткина, все это может сделать труд творческим, приятным и сократить его до пяти часов в день, предоставив людям обширный досуг для развития своей личности. Говоря о замене государственно-эксплуататорского строя строем вольных общин, основанным на солидарности и взаимопомощи, Кропоткин так формулировал сущность предложенных им мероприятий: "До сих пор политическая экономия знала только разделение труда; мы же настаиваем на его объединении; на том, что идеалом общества (то есть тем, к чему оно уже стремится) - является такое общество, где каждый трудится физически и умственно; где способный к труду человек работает в поле и в мастерской; где каждая нация и каждая область, располагая разнообразием природных сил, сама производит и потребляет большую часть своих продуктов земледелия и промышленности"/32/.

Констатируя возрастающую роль государственного начала в современном ему мире, Кропоткин отмечал: "В первой половине XIX-го века имелось громадное прогрессивное движение, стремившееся к освобождению личности и мысли; и такое же громадное регрессивное движение взяло верх над предыдущим во второй половине века и теперь стремится восстановить старую зависимость, но уже по отношению к государству: увеличить ее, расширить и сделать ее добровольной! Такова характерная черта нашего времени"/33/.

Отсюда вытекает неизбежная дилемма: "Одно из двух. Или государство раздавит личность и местную жизнь завладеет всеми областями человеческой деятельности, принесет с собой войну и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностную революции, лишь сменяющие тиранов, и как неизбежный конец - смерть! Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче и тысяче центров, на почве энергической, личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения"/34/. Сегодня, на исходе XX века, мы можем признать, что возобладала первая из указанных тенденций: тенденция к поглощению и порабощению государственным Левиафаном человеческой личности, к созданию тотального государства и к безграничному могуществу этатистского начала в общественной жизни. Кропоткин же считал более вероятным второй исход, и ошибся в своих прогнозах.

Анархо-коммунистическое учение Кропоткина широко распространилось в конце XIX века и скоро стало господствовать в анархическом движении, привлекая многих революционеров своей "научностью", детальной разработанностью, наличием, как теоретического обоснования, так и конкретной программы действий. По свидетельству Макса Неттлау, почти безраздельное господство авторитета Кропоткина как теоретика в первой четверти XX века привело к определенному застою и даже регрессу в анархической мысли: "В самом деле, все, что он (Кропоткин - П.Р.) говорил, всегда бывало связано со столькими хорошими идеями, что попытка обнаружить их слабые стороны, всегда воспринималась, как опровержение этих идей... Многим мнения Кропоткина казались не подлежащими сомнению истинами, и другим представлялось нежелательным поднимать вопросы, чтобы не ослабить огромное влияние, какое оказывали личность, талант и преданность его своему делу"/35/.

Революционный синдикализм, анархо-синдикализм и ФОРА

Наиболее заметными явлениями в анархическом движении первых двух десятилетий XX века было возникновение (прежде всего в романских странах - Франции, Испании и Италии) мощного анархо-синдикалистского движения и деятельность анархо-коммунистической рабочей организации ФОРА в Аргентине. Если труды Кропоткина явились попыткой развития анархической теории применительно к новым условиям, то появление анархо-синдикализма было новым шагом в тактике анархизма, пополнившим арсенал его средств, новыми орудиями, помимо пропаганды, террора и организации восстаний.

Анархо-синдикализму предшествовало появление так называемого "революционного синдикализма". Тысячи рядовых активистов социалистических и социал-демократических партий и профсоюзов, недовольные оппортунизмом своих боссов, чересчур увлекшихся парламентской деятельностью, начали

отделяться в особое течение, получившее название революционный синдикализм. В первом десятилетии XX-го века в синдикалистских профсоюзах Италии и Франции состояло несколько миллионов трудящихся. Идеологами революционного синдикализма стали Фернанд Пеллутье, Эмиль Пуже и другие. Основными "столпами" синдикализма были аполитичность (неучастие в парламентской борьбе за власть), антикапитализм и антиэтатизм, отрицание организационного централизма и профсоюзной бюрократии, превознесение стихии жизни и повседневной классово-борьбы в сочетании с отказом от планирования будущего общества.

Объявляя себя внепартийными организациями, революционные синдикаты (союзы) объединяли в своих рядах как социалистов и социал-демократов, так и анархистов, однако общий радикализм, организационный федерализм и стихийный антиэтатизм сближал их скорее именно с анархизмом, нежели с марксистскими течениями. Революционные синдикалисты, объединяя трудящихся по профессиям, рассматривали себя как возможный "каркас" будущего безгосударственного социалистического общества, а всеобщую захватную стачку считали наиболее мощным и действенным орудием социальной революции.

Первая Мировая война привела к расколу синдикалистских профсоюзов на "оборонческие" и "интернационалистические" крылья. В это время зарождается и распространяется анархо-синдикализм, соединивший в себе революционно-синдикалистские и анархические элементы. В 1922-23 году был воссоздан анархо-синдикалистский Интернационал (Международное Товарищество Рабочих), объявивший себя продолжателем Первого Интернационала времен Бакунина и объединивший в себе испанскую СНТ, итальянскую УСИ, американскую организацию "Индустриальные рабочие мира", французский анархо-синдикалистский профсоюз, аргентинскую ФОРА и другие, более мелкие организации. Одним из крупнейших теоретиков анархо-синдикализма был немецкий революционер Рудольф Рокер. В эти годы в Италии при активном участии анархо-синдикалистов происходили драматические события: "красная неделя" 1914 года, когда вся страна была охвачена забастовкой, и захваты рабочими предприятий Милана и Турина в 1920 году. Однако установление фашистской диктатуры Муссолини привело к разгрому анархо-синдикалистского движения в Италии.

Надо отметить, что в анархо-синдикалистских профсоюзах соседствовали и, зачастую противоборствовали, различные анархические течения: для одних анархо-синдикализм был лишь средством (связь с трудящимися массами, их самоорганизация через синдикаты и вовлечение в борьбу через забастовки), а анархический коммунизм в духе Кропоткина - целью; другие же анархо-синдикалисты продолжали бакунинскую традицию "коллективизма", выступая за передачу предприятий в собственность трудовых коллективов и за принцип распределения не по потребностям, а по труду. Наконец, для испанских анархистов характерен широкий "анархизм без эпитетов", мирно сочетавший в себе различные оттенки и течения и не предрешающий заранее форм будущего общества.

"Самым цветущим из современных анархических движений" назвал в начале века аргентинскую организацию ФОРА Макс Неттлау/36/. Помимо огромной численности (которая порой достигала 200 тысяч человек) и бескомпромиссного радикализма в действиях, то и дело приводившего ФОРА к организации масштабных демонстраций и забастовок, перерастающих в баррикадные бои с полицией, весьма интересна идеология ФОРА.

Эта организация одной из первых среди анархистов категорически выступила против не только капиталистического и этатистского современного строя, но и против порождающего его индустриализма, неумолимо воспроизводящего в обществе отношения иерархии и конкуренции. Марксистскому обожествлению индустриального развития и "железных законов" экономики ведущий теоретик ФОРА Эмилио Лопес Аранго противопоставил "утверждение, согласно которому огромное значение имеет процесс этического развития народов". Люди не являются лишь винтиками в индустриальном механизме; ничего не предрешено; необходимо бороться против "общества-фабрики", разрушающего традиции общинного самоуправления, коллективизма и солидарности и превращающего людей в разрозненные и атомизированные марионетки, в детали огромной машины, основанной на иерархии и конкуренции.

Эмилио Лопес Аранго писал в одной из своих статей в 1920-ые годы: "Мы хотим сказать..., что можно разрушить всю социальную организацию, уничтожить историческое государство, экспроприировать буржуазию и ликвидировать частную собственность, но эти изменения не обязательно будут означать окончательное падение капитализма. Россия дает нам пример выживания капиталистической организации после поражения буржуазии... Вот почему следует задать вопрос: можно ли придти к анархическому коммунизму через капитализм? Не один анархист не будет поддерживать такой абсурд. Чтобы разработать в настоящем этические и экономические основы коммунистического общества, необходимо, прежде всего, разрушить в трудящихся дух и привычки рабства, культ закона и почтение к представителям принципа авторитета"/37/.

Слепой вере в прогресс и в индустриальные технологии, растворению личности в массовых процессах, аргентинские анархисты противопоставляли индетерминизм, решающую роль в истории этического развития личностей и народов, бескомпромиссную борьбу не только с капиталом и властью, но также с марксизмом и индустриализмом. Достигнув огромного размаха в первой четверти XX века, ФОРА была разгромлена в 1930-ые годы.

Анархисты в Великой Российской Революции 1917-1921 годов

В Российской революции 1917-1921 гг. анархисты не сумели выступить в качестве одной из ведущих общественных сил - как в силу малочисленности, так и идейной и организационной раздробленности - и оказались между молотом и наковальней Белого и Красного движений, между большевистской диктатурой с ее чрезвычайками, продрозверстками и "комиссародержавием" и "белыми" режимами с присущими им реставрационно-авторитарными тенденциями. Часть анархистов в итоге примкнула к большевикам, усматривая в них своих товарищей по революции (в их числе такие известные люди, как Чапаев, Анатолий Железняков, разогнавший учредительное собрание, Дмитрий Фурманов и Григорий Котовский). Тем не менее, анархисты вписали в грандиозное полотно Российской Революции несколько ярких страниц, о которых здесь необходимо хотя бы напомнить.

Центрами анархического движения во время Революции были сначала Питер и Кронштадт, а затем Москва и Украина (где действовала Конфедерация анархистов Украины "Набат", тесно связанная с повстанческой армией Н.И.Махно); наконец, сильное анархическое партизанское движение существовало в Сибири. Возникло несколько анархистских издательств; активно действовала целая плеяда талантливых и оригинальных анархических теоретиков, среди которых необходимо назвать А.Борового, Д.Новомирского, В.Волина, Г.Максимова и др.

Именно анархисты в июле 1917 года выступили инициаторами массовых демонстраций в Петрограде, едва не приведших к падению Временного правительства. В Москве, Петрограде, Кронштадте и других городах существовали многочисленные группы и федерации анархистов, выходили многотысячным тиражом их ежедневные газеты; большим влиянием пользовались анархо-синдикалисты в ряде профсоюзов. Федерация анархических групп Москвы зимой 1917-1918 года захватила несколько десятков купеческих особняков, которые превращались в "Дома Анархии" - там устраивались клубы, лектории, библиотеки, типографии, базировались отряды "Черной Гвардии", насчитывающие три-четыре тысячи бойцов. Развернули широкую агитационную деятельность Союз Анархической пропаганды и бурно растущие молодежные анархистские организации и союзы. Большевики, до этого смотревшие на анархистов свысока, как на временных и заблуждающихся "попутчиков", ощутили угрозу, исходящую от анархического движения, все более овладевавшего массами, и решили перейти от союза к репрессиям по отношению к анархистам. Повод для этого найти не сложно - так как в водовороте гражданской войны, наряду с идейными анархистами, в их организации приходило немало полууголовного элемента, лишь прикрывавшегося черными знаменами свободы.

Под предлогом борьбы с уголовниками в апреле 1918 года чекисты и "красные" латышские стрелки внезапно осуществили нападение на Дома Анархии, произвели массовые аресты среди анархистов, закрыли большую часть анархистской прессы. Используя стихийные анархические настроения масс, большевики теперь, дорвавшись до власти, все дальше отходили от своих былых союзников в сторону воссоздания в новом "псевдореволюционном" обличье все того же старого российского самодержавно-государственного Левиафана - с всевластием чиновников и полицейских, бесправием личности, сверхэксплуатацией трудящихся, военной повинностью и имперской национальной и внешней политикой. В отношении же анархистов новая власть провозгласила демагогическую позицию: небольшому числу наиболее послушных и лояльных, так называемых "советских" анархистов, до поры до времени дозволялось владеть полулегальное существование, иметь своих представителей в Советах и профсоюзах, открывать клубы; тогда как большинство анархистов ожидали расстрелы и застенки ВЧК.

Борясь против большевистской диктатуры за изначальные идеалы Революции: передачу земли крестьянам, а фабрик - рабочим (а не государству), создание свободных беспартийных Советов (не иерархических органов власти, но основанных на принципе делегирования органов народного самоуправления), всеобщее вооружение народа и т.д., - анархисты еще более решительно выступали против "белой" контрреволюции.

Наиболее ярким эпизодом гражданской войны в России, связанным с анархическим движением, конечно же, была деятельность Повстанческой армии во главе с Нестором Ивановичем Махно/38/. Под контролем этой армии в 1918-21 гг. оказалась значительная часть территории Украины. Впрочем, на эту территорию поочередно наступали то немецкие кайзеровские войска, то большевики, то денкинцы, то врангелевцы, то вновь большевики. И со всеми ними махновцам пришлось вести ожесточенную борьбу.

Опыт махновского движения показал, что территориальная армия, основанная на вооружении населения,

выборности командиров и сознательной, а не палочной дисциплине, намного эффективнее (в обороне, конечно, а не в нападении!), чем регулярные, насильно сколоченные "белые" и "красные" части. (Между прочим, именно махновцы, а отнюдь не буденновцы, как утверждали советские историки, изобрели знаменитую тачанку).

Много раз территория Гуляйпольского района занималась захватчиками, много раз разные начальники рапортовали наверх о том, что с Махно покончено - но вновь повстанцы выходили из лесов - земля горела под ногами большевиков и белогвардейцев. А "батько" Махно, одиннадцать раз раненый, несколько раз преданный своими "союзниками"-большевиками, то награждавшими его - одного из первых - орденом Боевого Красного Знамени, то расстреливавшими его штаб и вероломно уничтожавшими его конницу, воевавшую вместе с ними в 1920 году против Врангеля и первой форсировавшую Сиваш и ворвавшуюся в Крым, "батько" Махно вновь уходил из ловушки и поднимал черное знамя восстания. И население поддерживало Махно, поскольку он боролся не за "диктатуру пролетариата", не за реставрацию самодержавия, не за власть какой-либо партии или нации над другими, а за то, что казалось тогда естественным людям: за землю и волю, за народное самоуправление, основанное на федерации беспартийных Советов. И (вопреки последующей клевете писателей и кинорежиссеров), Махно не допускал на своей территории еврейских погромов (которые были тогда обычным делом на территориях, контролируемых петлюровцами или григорьевцами), жестоко карал мародеров и, опираясь на основную массу крестьянства, был суров с помещиками и с кулаками (знал ли он, что позднее махновщина будет названа "движением кулацкой контрреволюции"?). Среди кошмара гражданской войны махновский район был относительно свободным местом: в нем разрешалась политическая агитация всех социалистических партий и групп: от большевиков до социалистов-революционеров. (Анархисты из Конфедерации анархистов Украины "Набат" активно занимались просветительской, издательской и пропагандистской деятельностью). Махновский район был и едва ли не самой "свободной экономической зоной", где существовали различные формы землепользования (разумеется, кроме помещичьего): и коммуны, и кооперативы, и частные трудовые крестьянские хозяйства (без использования труда батраков). Никого не загоняли в госхоз, в колхоз или, наоборот, в фермеры. В условиях полной экономической неразберихи и государственной монополии на все продукты - как у "белых", так и у "красных" - махновцы пытались (и небезуспешно) наладить прямой товарообмен с городами центра России: минуя кордоны заградительных отрядов, они неоднократно посылали рабочим свои сельхозпродукты, а те, в свою очередь, расплачивались промышленными товарами.

Гуляйпольский район не только отбивался от наступающих противников, но и жил, строил свою систему самоуправления - не придуманную кабинетными теоретиками, а рожденную самой жизнью, творчеством людей. Советская система показала здесь, что она может - даже в чрезвычайных, военных условиях - нормально работать и не быть при этом ширмой для парткомов, если только она не отрывается от мест, не образует единого бюрократического монолита, а функционирует в своем изначальном виде: в виде собраний делегатов, принимающих решения в соответствии с данными населением указаниями. Разумеется, эта беспартийная, свободная, распыленная, советская власть - все еще была Властью, а не Анархией, но и это уже было огромным шагом в сторону Анархии, самоуправления.

Махновское движение, достигшее наивысшего размаха в 1919-1920 годах, постепенно пошло на убыль после объявления НЭПа. Социальная база движения стала резко сужаться после того, как большевики отменили продразверстку и разрешили крестьянам продавать излишки хлеба на рынке. Остатки повстанческой армии были раздавлены буденновской конницей в 1921 году. Махно с отрядом бойцов прорвался в Румынию, где и был немедленно арестован как... большевистский агент. Затем пошли скитания по румынским, польским, немецким тюрьмам и лагерям, полуголодная жизнь в Париже, дискуссии с товарищами в попытках осмыслить опыт борьбы. Умер Нестор Иванович в 1934 году и похоронен не кладбище Пер-Лашез рядом с парижскими коммунарами.

С махновским повстанческим движением связана, действовавшая летом-осенью 1919 года в Москве, Организация анархистов подполья. Они выпускали листовки и газету "Анархия". Но больше всего эта группа прославилась знаменитым взрывом московского горкома партии большевиков в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 года, когда погибли и были ранены многие видные большевистские деятели. Однако вскоре анархисты подполья были выслежены чекистами и уничтожены (окруженные на своей базе на даче в подмосковном местечке Красково, они взорвали дачу вместе с собой на воздух).

Сильное влияние анархических идей и настроений можно проследить и во многих народных выступлениях последнего этапа гражданской войны. Наиболее это заметно на примере Кронштадтского восстания в марте 1921 года. Восставшие моряки выдвинули лозунг "третьей революции" (после февральской и октябрьской), ликвидации ЧК, создания советской власти, свободной от партийных влияний, свободы политической агитации для социалистов и анархистов. Их лозунги: "Власть Советам, а не партиям!", "Советы без Совнаркома" и другие, носят во многом анархический характер. Однако

Кронштадтское восстание явилось последним трагическим аккордом затухающей Великой Революции и было потоплено в крови 18 марта 1921 года - в 50-ую годовщину Парижской коммуны.

В 20-е годы деятельность анархистов в СССР постепенно сходит на нет: часть из них вступает в ВКП(б), другие репрессируются. До конца 20-х годов существовало анархо-синдикалистское издательство "Голос Труда", выпустившее в свет большое количество анархистской литературы. Последним очагом легального анархизма в СССР был музей Кропоткина и действующий при нем общественный кропоткинский комитет; однако, в середине 30-х годов кропоткинский музей был закрыт, а анархическое движение в России на полвека уничтожено. Лишь в середине 1980-х годов на волне "перестройки" вновь начнется его медленное возрождение.

Анархисты и гражданская война в Испании 1936-1939 годов

В 20-30-е годы во многих странах Европы установились тоталитарные режимы, которые насильственно уничтожили, загнали в глубокое подполье и эмиграцию анархическое движение. Так было в России, Германии, Италии. Однако страной, с наиболее мощным анархическим движением, обладающим многолетними традициями, оставалась Испания. Непрерывающаяся на протяжении семидесяти лет агитация испанских анархистов, череда организованных ими восстаний и забастовок, сеть анархических школ, мощные профсоюзы, опирающиеся на общинное, коллективистское сознание трудящихся, - все это сделало анархистов Испании решающей силой революционного процесса. К 30-м годам в анархистском профсоюзе НКТ состояло около двух миллионов рабочих, а в Федерации Анархистов Иберии (ФАИ) - несколько сотен тысяч человек. В 1936 году конгресс НКТ в Сарагосе принял программу: "Концепция либертарного коммунизма", предусматривающую переход к обществу, представляющему собой федерацию коммун и синдикатов, к обществу без денег, с децентрализованным планированием экономики, с заменой регулярной армии рабочей милицией.

Разразившийся в июле 1936 года мятеж генерала Франко и последовавшая за ним гражданская война подтолкнули анархистов к решительным действиям и дали им возможность осуществить крупнейший в XX-ом веке анархистский социальный эксперимент, как и по размерам, так и по радикализму далеко превосходящий опыт махновского движения на Украине/39/.

Узнав о начавшемся франкистском мятеже, тысячи рабочих-анархистов вышли на улицы испанских городов и дали отпор мятежникам. Борьба с наступающим фашизмом переросла в антипомещичьи и антикапиталистические выступления: повсеместно рабочими захватывались предприятия, крестьянами - помещичьи земли, создавались отряды народной милиции. Под контролем НКТ оказалась наиболее промышленно развитая область Испании Каталония (со столицей - Барселоной) и сельскохозяйственный Арагон. Были сформированы анархистские вооруженные формирования, которые возглавил легендарный Бузнавентура Дуррути. Эти отряды отправились на фронт - воевать с франкистами.

Революция затронула буквально все сферы жизни. В это время в Испании была создана анархо-феминистская организация "Мюхерес Либрес" (Свободные Женщины), поставившая своей целью борьбу с традиционным патриархализмом испанского общества и вовлечение женщин в общественную, политическую и культурную жизнь.

Социализированные промышленные предприятия, захваченные рабочими, функционировали довольно эффективно: все решения принимались на собраниях трудовых коллективов, была существенно повышена заработная плата, прибыли инвестировались в культурные проекты - на нужды образования и культуры. (Благодаря этому многие рабочие впервые в жизни смогли посетить кино или театр).

Но наиболее далеко зашла социальная революция в деревне, особенно в Арагоне: крестьяне на общих собраниях свергали местную власть, избирали революционные комитеты, отбирали землю у помещиков, создавали кооперативы. Эти кооперативы или "коллективы", как они назывались, в отличие от СССР, создавались снизу и добровольно - желающие могли индивидуально (без применения наемного труда) обрабатывать землю. Создавались коллективные склады и магазины. Отдельные кооперативы объединялись в федерации. Это движение получило широкий размах: в Арагоне было создано 400 таких коллективов, в Кастилии - 300, в Каталонии - 40. В Арагоне в коллективах участвовало 400 тысяч человек (70% населения) и они обрабатывали 60% всех обрабатываемых земель.

Опираясь на вековые общинные традиции и на идеи классиков анархизма, коллективы действовали на принципах самоуправления, отрицания иерархии - все важнейшие решения принимались на собраниях членов коллективов. Арагонские кооперативы достигли больших успехов в сельском хозяйстве: так в 1937 году урожай в Арагоне вырос на 20%, тогда как в других регионах страны он существенно снизился. Строились дома, больницы, учреждения культуры.

По мнению современного исследователя А.Шубина: "В результате анархистских социальных преобразований возник новый сектор экономики, качественно отличный как от капиталистического, так

и от государственного. Отличительная черта этого уклада - коллективное распоряжение трудящихся средствами производства, влиятельные структуры самоуправления и участие тружеников в принятии производственных решений. Анархисты и левые социалисты сделали практический шаг к ликвидации отчуждения производителя от средств производства... Несмотря на все трудности, анархистам удалось создать относительно эффективно работающую... социальную систему (насколько это было возможно в условиях гражданской войны)"/40/.

Однако этот социальный эксперимент был насильственно прерван. На смену изначальному, хотя и весьма условному, "антифашистскому единству", пришли существенные разногласия и конфликты между двумя главными силами республиканского лагеря - анархистами и компартией Испании. Тесно связанная со сталинским режимом, испанская компартия взяла курс на централизацию и милитаризацию общества, отказ от социальных преобразований. Анархистская народная милиция казалась коммунистам вредной "партизанщиной", а производственное самоуправление на социализированных предприятиях и создание сельскохозяйственных коллективов - опасной альтернативой предлагавшейся коммунистами национализации и огосударствлению экономики. Коммунисты рассматривали анархистов как своих главных политических конкурентов; анархисты, со своей стороны, учитывая опыт российской революции, не доверяли своим временным союзникам по антифашистской борьбе. Опираясь на военную помощь СССР, ИКП взяла курс на установление контроля над аппаратом власти, армией и силовыми ведомствами (куда активно внедрялись приехавшие из Советского Союза военные специалисты и сотрудники НКВД), начала "чистку" интербригад, убирая из них нелояльных Сталину людей. При этом парадоксальным образом коммунисты сотрудничали с правыми социалистами и либералами, тогда как анархисты сблизилась с левым крылом социалистов во главе с Ларго Кабальеро (который выступал за создание синдикалистского правительства, опирающегося на поддержку социалистических и анархистских профсоюзов). Происходившая снизу, при активном участии анархистов, социальная революция и коммунистический курс на диктатуру, усиление государства и умеренность в социальной политике, неизбежно должны были привести к столкновению противоборствующих сил внутри республиканского лагеря.

Установив контроль над армией и силовыми структурами, коммунисты начали охоту за деятелями оппозиции, в первую очередь, за анархистами. В мае 1937 года коммунисты спровоцировали бои в Барселоне, приведшие к разоружению отрядов анархистов и к началу террора против НКТ и ФАИ, а в августе 1938 года, снятая с фронта танковая бригада коммунистического генерала Листера обрушилась на арагонские кооперативы. Аресты, казни, принудительный роспуск коллективов, начатые коммунистами, довершили франкисты, вступившие в Арагон в марте 1938 года. Под нажимом компартии коллективизированные предприятия Каталонии и других регионов были национализированы.

Однако победа коммунистов над анархистами оказалась пирровой. Все эти события предрешили гибель испанской революции. Ослабленная внутренней борьбой, республика не могла противостоять наступлению франкистских войск. Падение республики 1939 году и установление диктатуры генерала Франко привело к новым массовым репрессиям против анархистов. Хотя партизанская борьба анархистов против фашизма продолжалась еще целое десятилетие, но движению был нанесен смертельный удар.

1968 год и современное анархическое движение

Два десятилетия, последовавшие за окончанием Второй Мировой войны, знаменовали глубокий упадок анархического движения во всем мире. Репрессии тоталитарных режимов, с одной стороны, повышение уровня жизни трудящихся в развитых странах мира в середине XX века, когда индустриально-буржуазная цивилизация достигла своего апогея и могла позволить себе содержание "социальных государств" - с другой стороны, - ослабили силы анархистов. На смену массовым анархистским профсоюзам, многотысячным организациям, нередко идущим во главе социальных процессов, пришли небольшие разрозненные группы "ветеранов" анархизма, пытающихся осмыслить катастрофический опыт революционных бурь первой половины XX-го века и выйти из политического гетто. Тем временем репрессии продолжались даже в самых "демократических" странах. Так в США в эпоху маккартизма анархисты уголовно преследовались; была запрещена и традиционная анархистская символика - и американские анархисты выдвинули ряд новых символов, используя, например, наряду с традиционными черными флагами и буквой "А" в круге, изображение дикой взъерошенной кошки.

Новый взлет анархического движения связан с мировой революцией второй половины 60-х годов, когда на улицы Нью-Йорка и Парижа, Рима и Берлина вышла бунтующая студенческая и рабочая молодежь, требующая свободы, преодоления отчуждения и гуманизации общества, реформы университетов, прекращения войны во Вьетнаме, равноправия чернокожих, реального, а не формального освобождения женщин, производственного самоуправления, ликвидации ядерного оружия и эмансипации во всех сферах повседневного существования... В этом пестром и неоднородном движении, получившим

название "новые левые" (вместо обюрократившихся "старых" левых - коммунистов и социал-демократов), анархисты заняли видное место, наряду с другими идейными течениями.

Черные знамена реяли над захваченными рабочими итальянскими заводами и над баррикадами парижского "Красного мая" в 1968 году, а наиболее известный студенческий лидер Даниэль Кон-Бендит был именно анархистом. Лозунги "Красного мая" были новы, дерзки и впечатляющи: "Социализм без свободы - это барак", "Вся власть воображению!", "Будьте реалистами - требуйте невозможного!", "Беги, товарищ, старый мир у тебя за спиной", "Не роботы, не рабы", "Анархия - это мы!" (по контрасту с известной фразой Людовика XIV: "Государство - это я"), "Каждый сам себе диверсия!", "Революция невероятна ибо она истинна!". Стотысячная демонстрация восставшей молодежи в Париже несла перед собой издевательский лозунг, пародирующий штампы официальных масс-медиа: "Мы - маленькая кучка анархистов!".

В Германии, США и Франции было созданы тысячи коммун, культурных центров, в Париже знаменитый театр Одеон был превращен в дискуссионный форум, в университетах создавались комитеты сексуальной и культурной революции. Многим казалось, что новый мир, новые ценности и, новая эмансипированная социальная реальность уже на пороге. В поисках альтернативы, как бюрократически-тоталитарному "реальному социализму" и ленинистским компартиям (так французских коммунистов Ж-П Сартр метко назвал "революционной партией, которая боится революции"), так и бездушному бессмысленному индустриально-буржуазному обществу, всецело подчиненному логике погони за прибылью, значительная часть "новых левых" обратилась к полузабытым, но неожиданно оказавшимся актуальными, сочинениям Бакунина, Кропоткина и других теоретиков анархизма. 1068 год, породивший новые социальные движения: феминистские, "зеленые", антимилитаристские, коммунарские и т.п., дал новый импульс анархистскому движению во всем мире.

На смену "старым" анархистам, по преимуществу, ориентированных на профсоюзную борьбу, пришло новое, проанархистское движение "автономов", которое и по сей день насчитывает (особенно в Германии) десятки тысяч активистов. Автономы - это весьма политизированная молодежная субкультура со сложной и развитой инфраструктурой: коммуны, сквоты (захваченные для жилья и борьбы здания), альтернативные кафе и книжные магазины, культурно-информационные центры и клубы, многочисленные издания, музыкальные рок- и техно-группы и другие творческие коллективы, антифашистские и феминистские инициативы, бригады "стритфайтеров" (уличных бойцов) и т.п.

В последние годы на первомайские демонстрации немецкие автономы выводят ежегодно по 10-20 тысяч человек. Автономы развернули настоящую бескомпромиссную борьбу за так называемую "деколонизацию повседневной жизни" человека в буржуазном обществе. Они пытаются создать некую альтернативу отчужденному и репрессивному обществу, решая все вопросы коллективно и консенсусом, уважая личность и сторонясь всякого авторитаризма и иерархии. Патриархату они противопоставляют реальное и повседневное равенство полов, традиционным семейным формам ячеечного общежития - коммуны, иерархии - самоуправление, пропагандируя и активно практикуя экологизм, антимилитаризм и антифашизм.

Автономисты активнейшим образом выступают в защиту национальных и сексуальных меньшинств, протестуют против империалистических войн и политики западных капиталистических держав. Если надо, то они без промедления вступают в настоящие уличные сражения с полицией или неонацистами. В последние десятилетия огромный размах и известность получили организованные немецкими автономными кампаниями против атомной энергетики в Германии, в частности, против попыток захоронения ядерных отходов в Горлебене. Это по-настоящему массовое, активное и борющаяся альтернатива для молодежи на Западе. Против автономов созданы даже специальные подразделения полиции и изданы специальные репрессивные законы.

Автономам-сквотерам принадлежат в некоторых городах целые кварталы зданий, отвоеванные у городских властей и превращенные в мощные центры либертарной (вольной) культуры и политики. Наряду с молодым анархистским автономным движением, в целом ряде стран сохраняются традиционные анархо-синдикалистские профсоюзы и организации, из которых наиболее крупными являются САК в Швеции и СНТ и СЖТ в Испании (в них состоят десятки тысяч человек, а шведский САК вообще является вторым по величине после официального социал-демократического профсоюза Швеции).

В Испании же после смерти фашистского диктатора Франко в 1976 началось массовое возрождение анархизма. 500 тыс. человек посетило первое постфранкистское собрание легендарного анархо-синдикалистского профсоюза CNT. Возвращение к кое-какой демократии в некоторых южноамериканских странах в конце 70-х и 80-ых гг. также привело к росту анархического движения и там.

Наконец, в конце 80-х появились анархисты и в республиках СССР, которые были полностью уничтожены сталинистами в конце 20-х гг.

Сегодня анархистское движение, конечно, все еще не так сильно как прежде, но организует уже десятки тысяч революционеров во многих странах. В Испании, Швеции и Италии существуют либертарные профсоюзы, в которых состоит приблизительно 250 тыс. человек. В большинстве других европейских стран имеется несколько тысяч активных анархистов. Появились группы анархистов и в тех странах, в которых их никогда не было, например, в Нигерии, Турции, Ливане, Бангладеш. В широком масштабе возродилось анархо-движение в Южной и Центральной Америке. Контактный лист, распространенный Венесуэльской группой анархистов *Corrio* включает списки более чем 100 организаций в каждой стране.

Медленно возрождение анархизма идет в Северной Америке, но и там либертарные организации испытывают существенный рост своих рядов. С каждым годом больше людей становятся под революционные знамена анархизма.

Во всем мире существуют многочисленные анархистские издания, исследовательские центры, библиотеки (среди них английское издательство "Фридом", основанное Кропоткиным, американский журнал "Анархия: журнал вооруженного желания", немецкое издание "Шварцен фаден", швейцарская анархическая библиотека СЕРА и др.). В числе наиболее известных современных теоретиков анархизма стоит назвать американских мыслителей Ноама Чомски (Нобелевский лауреат в области лингвистики), Мюррея Букчина (автор интересной концепции экоанархизма), Джона Зерзана (идейный вдохновитель антитехнологического направления в анархизме), Боба Блэка (авангардный писатель и теоретик парадоксального "отказа от работы"), а также близкого к анархизму выдающегося французского философа, теоретика автономизма и экосоциализма Андре Горца.

Всему миру известны фантастические романы американской писательницы Урсулы Ле Гуин, один из которых - "Обездоленные" (недавно изданный и на русском языке) является замечательным примером современной анархистской литературной утопии. Одним словом, сегодня анархизм не является музейным экспонатом, как многим неискушенным читателям может показаться. Его теория и практика еще послужит будущему человеческой цивилизации.

Время анархизма только начинается. Вам так не кажется?